

1964, 24 июля, № 30

Даниил ГРАНИН

РОЖДЕНИЕ ТЕМЫ

Борис ВОЛОДИН

ПИСАТЬ Даниил Гранин начал с «Домбровского». Но «Домбровский» был напечатан уже после рассказов в «Звезде», после очерков и книжки «Победа инженера Корсакова». Гранин никак не мог заставить себя расстаться со своим первым детищем, все что-то дописывал, сызнова перерыва собранные материалы о Парижской коммуне и Домбровском.

Их было очень много — книг, документов, газет того времени. Невесты сколько раз он углублялся в них, стараясь увидеть как наяву Париж 71-го года, побывать в бою на форте Исси, который теперь уже не существует, услышать споры Верморея и Пиа, песни коммунаров, речи на митингах и военных советах, разговоры в кафе и звуки выстрелов старинных пушек, заряженных битым щербем, потому что снаряды кончились. Писателю нужно было почувствовать вкус хлеба, который ели коммунары, ворча, что в тесте намешана монмартрская глина, и запах гари, и холодок капели, брызжущих в лицо, когда на раскаленный кожаный митральезы льют воду из ведра, чтобы охладить бронзовый ствол. Он должен был сам ощутить, как заедает «створка» этой — не любой, а именно этой митральезы системы Монтинья-Раффи, как рвет кожу на пальцах Домбровского искореженный горячий металл, когда свистов неподатливую цель нужно выцелить застрявшие в коробе казенника мятые стреляные гильзы...

...Все, что связано с Домбровским, удивительно и романтично. Вот он плутает по московским улицам в длинной женской юбке, которая скрыла полосатые арестантские порты, вот он пишет саркастическое письмо Каткову, опубликованное в «Колоколе», он — друг и соратник Гарибальди, военный теоретик, чей специальный труд Мольте признает блестящим, генерал Коммуны, любитель «штурмующих небо»... Книжки сообщали, какого цвета была форма национальных гвардейцев и как парижские рабочие валили Вандомскую колонну.

...Книжки открывали многое, но этого «многого» было писателю мало. Узнать вкус хлеба, «замешанного на монмартрской глине», почувствовать, как рвет кожу на пальцах смятый горячий цилиндр гильзы, можно было, лишь отведав хлеб военных лет, увидев собственными глазами, как не поддавалась гильза, застрявшая не в митральезе, а в казеннике танкового пулемета...

Гранину не было еще тридцати, когда он принялся писать свою первую книгу, но, когда писатель закончил ее, уже прошла война и завершились дальние дороги, начавшиеся в 1941-м у ворот Кировского завода в строю ополченческого батальона. Люди, с которыми шел он теми дорогами, чем-то были похожи и не похожи на парижан рабочих. Кировцы-путиловцы и коммунары принадлежали к одной «рабочей косточке», хоть и представляли совершенно разные поколения разных исторических эпох...

В ТЕ ГОДЫ занятие литературой было делом, которому отдавался весь недолгий досуг инженера-электрика. Гранин работал инженером в Ленэнерго и еще не думал писать, только писать, не занимаясь больше плавками предохранителей, схемами

электросети, короткими замыканиями — всем, чем было заполнено его рабочее время.

Работать в электросети в 1947—1948 годах было трудно. Городу нужно было много тока. Электросеть Ленинграда тогда восстанавливали, перестраивали, совершенствовали, чтобы она могла напоить энергией цехи «Красного выборжца» и Металлического, «Красного треугольника» и «Светланы», «Красной нити» и Кировского... Со стен многих домов еще не были соскоблены надписи: «Эта сторона улицы наиболее опасна при обстреле», и рядом с окнами, блестящими новенькими стеклами, зияли глазницы, затянутые фанерой.

...В группе электротехников (в нее входили работники вузов и городских НИИ и кое-кто из Ленэнерго) Гранин разрабатывал новую схему сети. Такую, чтобы при авариях, коротких замыканиях отключался минимально малый сектор. Дело требовало, чтобы мысль непрерывно работала в одном направлении. На свой абонемент в Публичной библиотеке Д. Гранин выписывал журналы и книги, авторефераты диссертаций по электротехнике, отыскивал в них статьи и главы, которые могли помочь решить техническую задачу. Он читал и свежие, только что

войны в другом институте аспирант Николаев. Отыскивать Николаева и его работу Савицкий принялся лишь потому, что теперь, когда диссертация была сдана, у него имелось для этого время. Он очутился в квартире, где жила в одиночестве мать погибшего на фронте незнакомого Николаева. Откуда-то, со дна сундука, были извлечены его папки с записями и чертежами. Савицкий стал читать, и тотчас все предсказанное рухнуло: то, что он разрабатывал за годы аспирантуры, было не только много лет назад решено другим, но и отброшено, как уже пройденное. Погибший коллега нашел более выгодное и надежное решение. Работа оказалась великопленной, хоть и не во всех деталях «доведена» до конца.

Личное благополучие Савицкого зависело не от того, станет ли известной работа Николаева, хранившаяся на дне сундука, а от того, будет ли она опубликована до защиты его диссертации или после. Лишь несколько человек — он сам, научный руководитель, мать погибшего и девушка, которая любила Николаева, — были в курсе событий. Пожалуй, мать — так уж сложились взаимоотношения — не осудила бы его, пойдя Савицкий на компромисс, как ему осторожно подсказывали «житейски мудрые» люди. Но он сделал выбор единственно достойный и дорого ему обошедшийся. Результаты собственного труда были напроцех перечеркнуты... По логике характера, заложен-

ский мальчик спросил мать: «А кто такой Сталин?», — и поразился, как быстро все уходит. Эти строчки, вроде бы «проходные», говорят, как далека ныне наша жизнь от того, что было связано с временами культа личности. Но и по сей день предостерегающе звучит конфликт Лобанова и Борисова с Долгиным и Потапенко. В «Иду на грозу» остатки старого являются в облике других людей, но, безусловно, им родственны. А борьба «искателей» за судьбу Рейнгольда и за судьбу дела, их активное неприятие холодной, чиновничьей подозрительности ковалеских и расчетливой подлости тонковых сегодня осмысляются нами уже по-новому.

Перемены в жизни тех трех лет, которые заняла работа над «Искателями», тоже оставили отпечаток в судьбе героев романа. Лобанов и Борисов побеждали не потому, что их поддерживал некий прозорливый руководитель, а потому, что коллектив коммунистов отверг решение, заготовленное за закрытыми дверями должными и потапенками, и вынес вотум доверия тем, кто заслужил доверие делом. Это приметы уже 1954 года, возрождения ленинских норм жизни.

Изменился за эти три года и сам автор. Это видно и в отношении Гранина к безусловно для него сокровенному — к науке. Он начал «Искателей» вскоре после того, как ушел из Ленэнерго в институт. Наверное, первое время (Гранин не любит рассказывать о себе) он тяготился кажущейся абстрактностью изыскательской работы. Производственные лаборатории, с которыми он был свя-

зан прежде, всегда решали задачи конкретные, сегодняшние. Возможные результаты обычно предельно ясны и с потрясающей очевидностью полезны, как лобановский «локатор повреждений». Перечитывая «Искателей» и вспоминая редкие вехи жизненного пути их автора, невольно наталкиваясь на мысль, что временами и ему, как Лобанову, хотелось вернуться из мира физических абстракций к делу, в котором все осязаемо, и лишь много месяцев спустя он стал не просто понимать «пользу отвлеченной науки», но осязать эту пользу. Тогда-то появляются на страницах «Искателей» творцы и носители ведущих идей, из которых в любую минуту могут родиться неожиданные «выходы» в практику, — появляются Григорьев и Куниин, предтечи Дана и Анисеева. И тогда-то прозвучит афоризм, оброненный некогда Герценом: «Науку мало изучить, надо ее прожить».

ГРАНИН «прожил» науку, собственными подопытными прошел по многим из ее ступеней. Он уже был известным писателем, а все никак не мог уйти из НИИ. Но эксперименты, которые он ставил, требовали, чтобы Гранин непрерывно думал только о формах пластин конденсаторов, размещении датчиков на крыльях и стабилизаторе крохотной дюралевой модели самолета, помещенной между пластинами, о том, почему компенсатор упорно не хочет компенсировать, и о кривых, которые надо экстраполировать, об экстраполяциях допустимых и погрешностях в измерениях, явно недопустимых. Он должен был думать, как выкроить время для «оформления диссертации», и еще на встречи с читателями, и на письма читателей. И так же непрерывно, как электрофизические эксперименты, заставляли думать о себе еще ненаписанные или недописанные страницы.

Закончив эксперимент, он отпрашивался в отпуск, и ехал от газеты на пуск ГЭС, и там сызнова раздвигался: то ходил вместе с коллегами-писателями осматривать «дно» будущего моря, то исчезал, вызывая недоумение и волнение товарищей (не случилось ли с ним чего?), а спустя некоторое время опять появлялся: пиджак помят, руки измазаны («Удивительно интересная релейная схема там монтируется!»).

...В 1956-м он почувствовал, что теперь уже никак не отвернется от выбора: либо только наука, либо только литературная работа.

Он выбрал. Гранин много написал: книги очерков и газетные статьи — об изобретателях, о научных проблемах, о проблемах литературных. Рассказы. Роман «После свадьбы» — итог наблюдений, почерпнутых в поездках.

вышедшие журналы и книги, и те, что издавались перед самой войной, но не были почти никем прочитаны, так как и читатели, и авторы ушли воевать.

В иных послевоенных работах повторялся путь исканий, однажды кем-то пройденный. А многие фамилии, стоявшие над статьями довоенных лет, уже не появлялись после войны в журнальных оглавлениях... Где остались они — под Мгой, Сексфехерваром или Гумбиненом? Писатель знал, с какой бережностью сохраняют их матери студенческие тетрадки с записями лекций, черновики дипломных работ, отписки статей — итоги первых самостоятельных поисков, продолжать которые досталось другим. Со многими из них, погибших, Гранин как бы познакомился, познал их поиски и уже не мог избавиться от привычки мысленно рисовать людей, похожих сразу на многих, виденных им самим. И получалось, что каждый представлявший ему человек как бы переживал множество событий, которые выпадали другим — реальным людям, и не в краткое, а в долгое время. То были будущие герои. День ото дня они виделись все рельефнее. И что характерно: почти все они занимались той же работой, что и он сам, — электротехникой.

Они были близки ему. Логика их чувств и поступков ощущалась столь точно, словно не кто-то другой, воображаемый, а он сам переживал, чувствовал и совершал то, что доставалось им.

Читатели хорошо помнят Лобанова из «Искателей», угловатого, нескладного, ни в чем не способного на компромиссы — ни в любви, ни в служебных отношениях. Инженера, болезненно ощущающего неожиданно наступившую темноту городских кварталов в том секторе, где вышел из строя кабель. Человека, одержимого желанием работать только в полную силу — пусть над локатором, пусть над автоматикой для котельной, но обязательно в полную силу... Лобанов появился на свет в 1954-м. Гранин писал роман три года. Он работал уже не в Ленэнерго, а на кафедре Политехнического института и затем в НИИ. Видимо, когда обстановка изменилась, прожитое стало отставаться, укладываясь в иные формы.

Но у Лобанова из «Искателей» был предшественник, которого звали Сашей Савицким. Он был аспирантом. Он жил на теперь уже пожелтевших страницах январского номера журнала «Звезда» за 1949 год.

К ТОМУ моменту, как началась его история, Савицкий успел закончить диссертацию, конечно же, по электротехнике, посвященную разработке схемы выпрямителя, судьба защиты была в общем-то предсказана. Работу одобрили и научный руководитель, и представители промышленности, и оппоненты, и даже самый суровый из них — большой и старый профессор, случайно припомнивший, что над такой же схемой, кажется, работал до

ного писателем в Савицкого, иной выбор был невозможен.

В подтексте рассказа тенью прошла иная ситуация: окажись так, что погиб не Николаев, а Савицкий и первому бы пришлось листать чужие эскизы схем и торопливые записи, — для Николаева, как и для Савицкого, тоже не было бы другого варианта. Живые наследники достойны тех, кто погиб. Для настоящего искателя есть лишь одна мера вещей — самая высокая.

Гранин ничего еще не рассказал о войне, о том, что было увидено им из танкового люка. Есть темы, которых писателю не так-то просто коснуться. Но война прозвучала «за кадром» рассказа об аспиранте Савицком и «за кадром» «Искателей». Она как бы получила «преломление» в теме, ставшей для Гранина главной, — теме ответственности за все, что должно быть совершено и происходит в жизни, отвоєванной столь дорогой ценой. Работа над своим «локатором повреждений», Лобанов постоянно помнил, как погиб его друг, под огнем отыскивавший порыв в линии связи.

НО ПОИСКИ героев Гранина не были замкнуты рамками электротехники — то были поиски нового в человеческих взаимоотношениях. Борьба шла не с одним лишь техническим консерватизмом, но и с тем обветшалым и недобрым, что бытовало в жизни в еще недалекие годы. Работа для гранинских героев — главная часть их жизни, в ней проверяется истинная ценность каждой личности.

«Искатели» — книга, принесшая Гранину признание. Конечно, время внесло в оценку ее естественные коррективы. Сейчас иные эпизоды романа видятся уже затянутыми, иные необязательными. К чему, скажем, было Лобанову разъяснять сотрудникам по лаборатории, инженеру и техникам (электротехникам!) значение электрификации? Неужели же в действительности без этого разъяснения, тривиального, хоть и планового, у героев не мог родиться тот необходимый для дела контакт «единого дыхания»? Но Д. Гранин писал «Искателей» в 1951 году, когда в литературе жили определенные каноны. Считалось, к примеру, что воздействие на души героев и читателей будет плодотворнее, если в произведении все пояснить, все разложить по полочкам.

Сказанное — не упрек. Последнюю точку в рукописи писатель поставил десять лет назад. Прошла целая эпоха, принесшая в нашу жизнь великую, истинно партийную правду XX съезда, которая научила нас глубже понимать прожитое, настоящее и будущее. Мы и сами удивительно изменились за эти годы.

В романе «Иду на грозу» есть такие строчки: «Он слышал, как сосед-